
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт восточных рукописей

MONGOLICA-IX

Посвящается 130-летию со дня рождения С. А. Козина

Составитель И. В. Кульганек

St. Petersburg
2010

УДК 951.93
ББК ТЗ(5Мо)

Издано на средства Института восточных рукописей РАН

Редакционная коллегия: доктор филол. наук *И. В. Кульганек* (председатель), доктор филол. наук *Л. Г. Скородумова*,
канд. филол. наук *Н. С. Яхонтова*

Рецензенты: канд. филол. наук *М. П. Петрова*, доктор филол. наук *С. Л. Невелева*

Edited by: *D. S. (Philology) I. V. Kulganek, D. S. (Philology) L. G. Skorodumova, Ph. D. N. S. Yakhontova*

Peer-reviewed by: *Ph. D. M. Petrova, D. S. (Philology) S. Neveleva*

Монголика-IX: Сб. ст. — СПб.: Петербургское Востоковедение, 2010. — 176 с.

Девятый выпуск сборника имеет разделы: «Историография, источниковедение и история науки», «Филология, литературоведение, фольклористика, текстология», «Научная жизнь», «Рецензии, письма в редакцию», «Наши переводы». Статьи написаны авторитетными учеными-монголоведами и молодыми российскими и зарубежными специалистами. Актуальность сборника подчеркивают очерки о последних монголоведных событиях, рецензии на новые книги. Статьи написаны в русле основных научных приоритетов и с позиций современного монголоведения, для которого историко-культурные проблемы монгольских народов весьма существенны, несут важную общественную нагрузку и имеют как чисто научное, так и общеполитическое практическое значение.

Материалы сборника рассчитаны на специалистов-монголоведов, историков, культурологов и всех, кто интересуется историей монгольских народов и Центральной Азии.

The ninth issue of «Mongolica» has the following parts: «Historiography and Textology», «Literature, Folklore, Linguistics», «Reviews. Letters to the editors», «Scholarly events», and «Our translations». The articles are written both by competent and young Russian and foreign scholars in the field of Mongolian studies. The essays of the latest scholarly events, reviews of new books make the issue topical. The articles are written in the mainstream of the modern scientific priorities and from the positions of the modern state of Mongolian studies, where historical and cultural problems of Mongolian speaking peoples are very important. They play a significant part in the society and have general historical significance.

The issue should be of interest to Mongolists specialising in philology, history, culture, and Orientalists interested in the history of the Mongolian peoples and Central Asia.

Корректор и редактор — *Т. Г. Бугакова*

Технический редактор — *Т. В. Чудинова*

Макет подготовлен издательством «Петербургское Востоковедение»

Подписано в печать 01.02.2011. Формат 60×90 1/8. Гарнитура основного текста «Таймс»

Печать офсетная. Бумага офсетная. Объем 22 п. л. Заказ №

Отпечатано с готовых диапозитивов в ГУП «Типография „Наука“»

199034, Санкт-Петербург, 9-я линия, 12

Перепечатка данного издания, а равно отдельных его частей запрещена. Любое использование материалов данного издания возможно исключительно с письменного разрешения издательства.

No part of this publication may be reproduced, stored in a retrieval systems or transmitted in any form or by any means: electronic, magnetic tape, mechanical, photocopying, recording or otherwise without permission in writing form of the publishing house.

ISBN 978-5-85803-434-6

© Петербургское Востоковедение, 2010

© Институт восточных рукописей РАН

Содержание

Предисловие	5
И. В. Кульганек. С. А. Козин: неизвестные страницы биографии и научного творчества	7
С. А. Козин. Беседа мальчика-сироты с орлёками Чингис-хана (Подг. к изданию Т. Ю. Евдокимовой)	14
М. В. Мандрик, И. М. Захарова. К истории назначения на должность советника: С. А. Козин на пути в Монголию	17
ИСТОРИОГРАФИЯ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ	
Т. Д. Скрынникова. Значение термина <i>ulus</i> в «Erdeni-yin tobči» Санан-Сэцэна	25
Е. В. Бойкова. «Монгольские экспедиции» А. Белинского (1907—1912): миф и реальность	30
Р. Ю. Почекаев. К вопросу о рецепции иностранного права в Монгольской империи и государствах чингисидов XIII—XV вв.	33
М. М. Содномпилова. Окружающая природа в традиционном мировоззрении монгольских народов: растительность в представлениях, верованиях и запретах	39
Д. А. Николаева. Материнство в традиционной культуре бурят	43
Дин Шучинь. Проблема <i>туцзу</i> в китайском монголоведении	51
Ж. Сабитов. «Муизз ал Ансаб» как источник по истории Монгольской империи	55
А. А. Сизова. Монгольский перевод ламрима Гампопы	63
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ, ФОЛЬКЛОРИСТИКА, ЛИНГВИСТИКА	
З. К. Касьяненко. Колофоны оригинальных сочинений — источник информации о формировании письменной культуры народов Центральной Азии	67
Б. С. Дугаров. Концепт тэнгристской мифологии в контексте бурятской Гэсэриады	69
Л. С. Дампилова. «Поэзия эмоционально уплотненного тона» Б. Галсансуха	73
Саймон Уикем-Смит. Шепот внутри: поэзия Бекзина Явухулана (Пер. с англ. А. В. Зорина).	78
Д. А. Носов. Монгольская народная кумулятивная сказка	84
А. Алима. Особенности распространения монгольской протяжной песни	90
Т. Г. Басангова. Демонологические персонажи в фольклоре калмыков	95
Е. В. Сундуева. Вербализация зрительного восприятия световых явлений в монгольских языках (на материале корней с согласным <i>r</i>)	99
Т. Б. Тагарова. Адгерентная выразительность фразеологических единиц в драматургии Д. Батожабая как стилистический прием	103
И. В. Герасимов. Образ верблюда в монгольской и арабской литературных традициях	109
Ю. И. Елихина. Монгольские коллекции Государственного Эрмитажа	117
РЕЦЕНЗИИ. ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ	
Майкл Хини. <i>Тьяллинг Халбертсма.</i> Охотники на йети: тайные исследования диких людей из Центральной Азии (Пер. с англ. Н. С. Яхонтовой)	123
К. Н. Яцковская. Письмо в редакцию сборника «Mongolica»	125
К. Н. Яцковская. Наш учитель Эдуард Макарович Мурзаев (1908—1998).	127
НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ	
Л. Халоупкова. Тридцатилетие Рабтен-центра в Швейцарии	136
Конференции, новые книги по монголоведению в 2010 году	138
НАШИ ПЕРЕВОДЫ	
Д. Бодо. Коралловые четки. Поучительный рассказ о воздаянии за мирские деяния (Пер. с монг. Л. Скородумовой)	148
Г. Аюурзана. Письмо бабушке (Пер. с монг. Е. Чернышевой)	163
Г. Аюурзана. Прилагательные времени (Пер. с монг. Д. Водяницкой, Е. Чернышевой)	166
Д. Батбаяр. Любовь (Пер. с монг. Н. Чернухи)	168
Д. Батбаяр. Слово (Пер. с монг. О. Сапожниковой)	169
Д. Батбаяр. Человек (Пер. с монг. О. Сапожниковой)	169
Д. Нацагдорж. Мрачные скалы (Пер. с монг. О. Сапожниковой)	170

Contents

Preface	5
I. V. Kulganek. S. A. Kozin: some unknown biography and scolarly data	7
S. A. Kozin. A talk between nine Chinggis Khan's orloks and a wise orphan-boy (Prep. by T. Yu. Evdokimova)	14
M. V. Mandric, A. I. Zakharova. S. A. Kozin's appointment as a counsellor: S. A. Kozin on his way to Mongolia	17
HISTORIOGRAPHY, TEXTOLOGY	
T. D. Skrynnikova. The meaning of the term <i>ulus</i> in «Erdeni-yin tobči» by Sanan Secen	25
E. V. Boikova. The A. Belinskii's expeditions to Mongolia (1907—1912): myth and reality	30
R. Yu. Pochekeyev. On the problem of reception of the foreign law in the Mongolian Empire and Chinggiside States in XIII—XV centuries	33
M. M. Sodnompilova. The surrounding nature in the traditional world-view of the Mongolian peoples: vegetation in views, beliefs and taboos	39
D. A. Nikolayeva. Motherhood in the traditional Buriat culture	43
Ding Shuqin. The problem <i>Tutsu</i> in the Mongolian studies in China	51
Zh. Sabitov. «Muizz al-Ansab» as a source on the history of the Mongolian Empire	55
A. A. Sizova. A Mongolian translation of the lamrim by Gampopa	63
LITERATURE, FOLKLORE, LINGUISTICS	
Z. K. Kasyanenko. The colophones of original texts — a source of information about the formation of written culture in Central Asia	67
B. S. Dugarov. Tenggrist mythological concept in the context of the Buriat epic «Geser»	69
L. S. Dampilova. «The poetry of emotionally pressed tone» by B. Galsansukh	73
S. Wickham-Smith. A whisper of something more: the poetry by Begziin Yavuuhulan (Transl. from English by A. Zorin)	78
D. A. Nosov. The Mongolian folk cumulative-type tale	84
A. Alima. The distribution features of Mongolian «long» songs	90
T. G. Basangova. Demonological characters in the Kalmyk folklore	95
E. V. Sunduyeva. The verbalisation of visualization of light phenomena by native speakers in the Mongolian languages (on roots with a consonant <i>r</i>)	99
T. B. Tagarova. The adherent expressivity of phraseal units in plays by a Buriat playwright D. Batozhabay as a stylistic device	103
I. V. Gerasimov. The camel image in Mongolian and Arabic literary tradition	109
Yu. I. Elikhina. The Mongolian collections in the State Hermitage Museum	117
REVIEWS. LETTERS TO THE EDITORS	
Michael Heaney. <i>Tjalling Halbertsma.</i> Yeti Jagers: Het Geheime Onderzoek naar de Wilde Mens van Centraal-Azië (Transl. from English by N. S. Yakhontova)	123
K. N. Yatskovskaya. A letter to the editors	125
K. N. Yatskovskaya. Our tutor Eduard Makarovich Murzayev (1908—1998)	127
SCHOLARLY EVENTS	
L. Holoupkova. The celebration of the 30th anniversary of the Rabten center in Switzzeland	136
Conferences, new books on Mongolian studies published in 2010	138
OUR TRANSLATIONS	
D. Bodo. Corall rosary. A didactic story about a requital for mundane deeds (Transl. from Mongolian by L. G. Skorodumova)	148
G. Ayurzana. A letter to my granny (Transl. from Mongolian by E. Chernyshova)	163
G. Ayurzana. Adjectives of time (Transl. from Mongolian by L. G. Skorodumova)	166
D. Batbayar. Love (Transl. from Mongolian by N. Chernukha)	168
D. Batbayar. A word (Transl. from Mongolian by O. Sapozhnikova)	169
D. Batbayar. A man (Transl. from Mongolian by O. Sapozhnikova)	169
D. Natsagdordzh. Gloomy rocks (Transl. from Mongolian by O. Sapozhnikova)	170

Саймон Уикем-Смит

ШЕПОТ ВНУТРИ: ПОЭЗИЯ БЕКЗИНА ЯВУХУЛАНА ¹ (Перевод с английского А. В. Зорина ²)

Статья английского исследователя посвящена творчеству видного монгольского поэта XX в. и прекрасного переводчика русской поэзии Б. Явухулана, оказавшего большое влияние на плеяду молодых поэтов Монголии. Автор говорит о поэтической лаборатории поэта, его образах, художественном видении окружающей природы.

Ключевые слова: монгольская современная поэзия, лирика, образ, поэт, художник, стихотворение, перевод, английский.

*Эртний монгол шүлгийн
Гайхам санаа бодогдож
Элэг зүрхний гүнд
Бас л нэгийг шивнэсэн юм.*

(the beautiful ideas
of ancient Mongolian verse come to mind,
and, deep in my heart,
whisper something more)

... Древних стихов монгольских
Образы дивные вспомнились,
Далеко в сердце, внутри
Нечто откликнулось шепотом ³.

Перед нами портрет человека средних лет в бело-голубой клетчатой рубашке, правая рука покоится на высокой стопке книг, еще одна книга — в левой руке, глаза смотрят в сторону, он как будто застыл во времени, линии носа с горбинкой словно бы вторит чуть согнутый указательный палец; падающий сбоку свет подчеркивает резкость черт лица, а губы, кажется, сейчас оживут, стоит лишь мысли окончательно созреть, так что ее можно будет не сказать — прошептать миру. Портрет улавливает самую суть этого человека, его мягкую решимость, непреклонную доброту, его восприимчивость, его дух, его отвагу.

Когда смотришь на портрет Бекзина Явухулана, написанный художником и поэтом Мягмарином Амарху, то взгляд падает сначала на стопку книг, затем поднимается вверх, скользит вдоль шеи к лицу и останавливается на нем. Мы погружаемся в задумчивое созерцание, захваченные предчувствием мысли или слова, рождающегося в сердце поэта. Именно это тихое раздумье, как мне кажется, лучше всего характеризует дух поэзии Явухулана, выделяя его среди монгольских поэтов его поколения.

Явухулан родился в 1929 г. в Тасархае, близ горы Отгонтенгер, а в 1950-е гг. учился в Москве в Литературном институте. Затем, в 1950—60-е гг., ему суждено было возглавить движение за обновление монгольской литературы. Его ученик Гомбожавин Менд-Ойо и молодое поколение поэтов во главе с Цокдоржином Бавудоржем продолжили лучшие традиции монгольской словесности, в то же время развивая новую, современную литературу.

Явухулан был также плодовитым переводчиком, хотя занимался только русскоязычной поэзией (как оригинальной, так и переводной); в частности, ему принадлежат переводы стихов выдающегося русского поэта Сергея Есенина.

Кроме того, он был первым популяризатором японского жанра хайку в Монголии. Его опыт работы в этом жанре схож с опытом многих других поэтов, пытающихся перенести особенности японской поэтики на родную для себя почву, пользуясь для этого средствами собственного языка. Взяв тот или иной образ, он делит свое высказывание на три строки, добиваясь неординарного их звучания. Вот, например, хайку о зиме, входящее в цикл из четырех стихотворений, посвященных традиционной для монгольской литературы теме времен года:

*Өвөл нөмөрт бараантах
Өвөлжөө бууцны хөл өөд
Малын жим яарна.*

(the rush of the winter camp, the
winter shelter growing dark,
the cattle track hurrying along)

Зимы темнеет покров,
К зимовью семья спешит —
Путь проторил скот.

Подобно тому как традиционное японское хайку является прямым, внерассудочным словесным выражением сокровенного чувства, стихотворение Явухулана есть отражение его глубоко личного восприятия зимы. Трактовка Явухуланом данного жанра, с закрепленной за третьим стихом функцией своеобразного подведения итога высказывания, очень отличается от принципов написания хайку у таких поэтов, как С. Биликсайхан, для которого хайку — это скорее способ выражения определенной мысли, пропущенной через фильтр крайней лаконичности формы.

Именно то, как проявляется специфическое видение вещей у Явухулана, и есть самое интересное не только во всех его хайку, но и вообще в его поэтическом творчестве. Он словно бы под микроскопом изучает каждый аспект отражаемой им реальности, пытаясь понять, как существует тот или иной феномен и как он соотносится со своим окружением: через увеличительное стекло он сначала показывает его мельчайшие детали, а затем, отняв оптический прибор, раскрывает общий вид сцены, только усиливая значимость каждой ее детали. Это хорошо видно на примере стихотворения «Осенние листья»:

*Найран дээрээс гараад иртэл
Намрын навчис унаж байлаа.
Налгар тэнгэрээр шувуутай цуг
Нарлаг намар зэллэн одлоо.*

*Салхи ч үгүй нам гүм байтал
Шарласан навчис хийсэж байлаа.
Санаанд ч үгүй аж төрж явтал
Санчигны минь үс цайж байлаа.*

*Налгар тэнгэрээр шувуудыг дагаж
Зэллэсэн бүхэн эргэж ирнэ.
Намрын навч шиг надаас хийссэн
Залуу нас минь л эргэж ирэхгүй.*

(When I left the party,
the autumn leaves had been falling.
The sun of autumn was strung out
with birds through the calm skies.

The wind, though, had been silent,
and the yellowed leaves rustling.
The way of life, though, in my mind,
turned the hair white upon my temples.

All who had followed the birds
through the calm skies will return.
My youth, though, fluttering from me
like autumn leaves, will not return.)

Праздник оставив, я вышел:
Порхали листья осенние,
Птицам следуя, солнце
Покои небес покинуло.

Слышно не было ветра,
Шелестели лишь листья желтые,
Сердце безжизненно смолкло,
Седина на висках проступила.

Птицам следуя, солнце
В покои небес возвратится.

Подобно листу упорхнувшему,
Вовек не вернется молодость.

Образ опадающих осенью листьев, связанный с безвозвратно ушедшей молодостью, часто возникает в монгольской литературе. Хотя эта тема важна и для других литератур мира, все же для культуры кочевников она имеет особенное значение. Кочевая жизнь всецело строится на чутком понимании мира природы, для нее недостаточно простого любования природой, ибо от нее зависит самое существование кочевого общества, и это следует иметь в виду, читая стихи монгольских поэтов, и в частности Явухулана.

Например, в стихотворении «Осень кочевников» каждый образ передает ощущение длительности, незавершенности:

*Тал шарлаа л
Мал холхио л
Малчны сэтгэл гэнэт догдлоо л*

(the yellowing steppe and
the cattle in the distance and
the herder's mind suddenly thrilled.)

И бурая степь,
И скот вдалеке,
И в душе пастуха внезапная дрожь.

В этих медитативных, переплетающихся между собой образах — кочевое мировосприятие, и мы видим, как окружающий переменчивый пейзаж отображает движение жизни кочевника и словно бы подлаживается под него. Итак, перед нами старая идея о человеке-микрокосме и вселенной-макркосме, выглядящая довольно сложной при попытке ее изложения, но для живого восприятия куда более ясная и понятная.

Возвращаясь к «Осенним листьям», я хотел бы сказать, чем мне это стихотворение прежде всего интересно: оно выходит за рамки простого описания чувств кочевника, отражая отношение поэта к миру, в который он погружается. Внезапное ощущение осени так поражает поэта, который только что был в гостях, где, по-видимому, наслаждался жизнью, что виски у него седеют. Посредством этого образа, как мне кажется, Явухулан говорит не столько о природе, сколько о жизни в обществе, отклоняющей его от естественного восприятия мира.

Одной из основных тем творчества Явухулана, питавших его поэтический дар, является идея гармонического соотношения между существованием среди людей и ощущением себя неотъемлемой частью природы. Быть может, именно раздумье над этим вопросом и его разрешение почувствовал Амарху, когда создавал портрет Явухулана: поэт растворен в своих мыслях и в то же время опирается на книги, символизирующие его принадлежность «малому миру» — миру людей.

Это меланхолическое чувство, в равной степени присущее как «Осенним листьям», так и «Осени кочевника», лежит в основе всего творчества Явухулана. Образно выражаясь, у книги его стихов — по-

желтевшие края страниц. Это символ движения к покою и угасанию. Впрочем, для кочевника осень — это также и предвестие весны, и в концовке «Осенних листьев» Явухулан пишет о том, что земля продолжит свое вращение и после его ухода.

Люди, населяющие стихи Явухулана, кажутся вторичными по сравнению с пейзажами и животными, они не более чем функция, посредством которой поэт дает право голоса природе, но ни в коем случае не герои, творящие сюжет поэтического повествования.

В одном из самых известных своих стихотворений, называемом «Козий пик», Явухулан прибегает к воображаемому диалогу со своим отцом, чтобы описать предчувствие надвигающейся смерти дикого зверя. То, что стихотворение посвящено отцу поэта, Бекзу, также примечательно, поскольку он был охотником, а монголы, подобно многим народам, сохранившим традиционную культуру, считают, что охотники лучше чувствуют и понимают тех животных, которых убивают.

Явухулан нарочито сгущает краски, таинственным и мрачным описывая этот горный пик, недоступный людям. Через всю поэму проходит тема его удаленности и недоступности, в прямом и переносном смысле слова, и не случайно, что только самое крепкое из всех живых существ может взобраться на вершину горы. И вновь на ум приходит портрет Явухулана, задумчиво смотрящего вдаль, словно проникая сквозь пространство и время к далеким уголкам Монголии и зверям, живущим там. Но это описание еще более подчеркивает различие и отчужденность между людьми и дикими животными, козами, прячущимися в горной твердыне. Охотник, отец поэта, заполняет собой этот разрыв, он выполняет роль шамана, поскольку связан со звериным царством и понимает его.

Хотя речь отца составляет центр стихотворения, как по смыслу, так и формально, некоторые другие его компоненты также немаловажны. Я уже отмечал такую характерную особенность поэтического метода Явухулана, как использование своеобразной «микро- и макросъемки», и здесь мы также видим, как поэт, переводя «увеличительное стекло» с отца на сына, показывает раскрытие в нем способности замечать то, что ускользает от других (поэт называет эту способность «проникающим оком»).

Кроме того, в стихотворении присутствует орел, который кружит над горной вершиной, охраняя свое гнездо, — еще один символ обособленности. Но эта обособленность не означает одиночества, и интересно, что из тех людей, которые фигурируют в повествовании, только отец отправляется в одиночку на охоту, стремясь соприкоснуться, соединиться с миром животных. Такая трактовка стихотворения может показаться романтической и не имеющей отношения к действительности. Однако не надо забывать о свойственных личности поэта противоречиях: Явухулан был образованным человеком, вышедшим из семьи кочевников-охотников, ощущал глубокую связь с природой, но при этом отделился от истоков,

погрузившись в интеллектуальную среду людей искусства и став известным литератором. Мне кажется, эта тонкая драматическая линия проходит через все его творчество, и особенно ощутима она в таких стихотворениях, как «Козий пик», где Явухулан использует образ своего отца, чтобы подчеркнуть эти противоречия.

Следует также отметить, что все свои слова отец произносит как бы не от себя лично. Каждую свою реплику он заканчивает словом «говорят», тем самым показывая, что его сведения не абсолютно достоверны. Дикий козел, олицетворение животного мира в стихотворении, обретает мистический ореол: недоступный человеческому взору, он становится предметом слухов и домыслов. И еще более отдаленется от человека.

Фантазия же людей рисует поведение животного как почти (хотя и не совсем) человеческое. Например:

*Өндөр оргил дээр олон хоног
Зогсдог юм гэнэлээ.
Өнгөрүүлсэн амьдралаа эргэж нэг
Хардаг юм гэнэлээ.*

(They say it stands there, on the high summit,
for many days.
They say it looks back then
at its life.)

На вершине горы много дней
Он стоит — говорят.
На минувшую жизнь вновь и вновь
Он глядит — говорят.

Или:

*Ижил олон сүргээ эцсийн удаа
Үздэг юм гэнэлээ.
Эх болсон нутгаа сүүлчийн удаа
Хардаг юм гэнэлээ.*

(They say that, in its final moments, it sees herds of
many like itself.
They say that, in its last moments, it sees
its motherland.)

Сотни равных себе пред концом
Видит он — говорят.
Край, где был он рожден, пред концом
Видит он — говорят.

Рассказчиком у Явухулана выступает человек, обладающий глубоким знанием, что подчеркивается внешними деталями (он охотник, он сидит поодаль от других, не пьет с ними чай, погружен в свои мысли), и являющийся носителем народной мудрости (или, быть может, передающий собственные мысли, в которых отчего-то не до конца уверен); именно он говорит о природе животного и разъясняет причину, по которой гора носит название Козий пик.

Его речь служит своего рода инициацией: через нее сын охотника приобретает нужное знание и подготавливается к осознанию неизбежной участи дикого животного. После гибели зверя охотник пьет чай, «улыбаясь над тем, что видел». В случившемся есть своя правда, и, разумеется, неизбежность, и даже не-

кое благо, поскольку естественный ход вещей благ по своей сути. Понимание этого лежит в основе меланхолического чувства, пронизывающего всю монгольскую поэзию: действие сил природы поступательно и неизбежно, человечеству нечем ему противодействовать, оно должно принять это как данность, не опуская, однако, рук.

В конце стихотворения кочевники снимаются с места. Отец Явухулана оборачивается к Козьему пикку и тихо молвит: «Родина моя». Эти слова запечатлевают в сознании читателя связь между охотником, диким козлом и горным пиком. Но они также показывают, что человек, произносящий их, сам четко эту связь понимает. Простота же формулировки, сведенной к одному лаконичному стиху, свидетельствует о том, что признание это глубоко личное, ни в коей мере не показное и что каждому из нас следует самому попытаться ощутить его смысл. По описанию Явухулана, отец говорит прощальные слова приглушенным тоном, словно бы не желая, чтобы их услышали другие; это похоже на некий договор между ним, горой и ее обитателями.

Таким образом, стихотворение «Козий пик», хотя и может показаться простой зарисовкой, в действительности обладает глубоким смыслом, который не так-то легко постичь. Как люди, слушающие слова охотника, мы читаем это стихотворение, не имея сокровенной связи с природным миром, и потому в полной мере не ощущаем того, что ощущает отец Явухулана, и того, что Явухулан хочет донести до нас.

Итак, перед нами начинается проступать то сокровенное *нечто*, на которое намекает Явухулан в стихотворении, использованном в качестве эпиграфа к этой статье, и которое угадывается в портрете кисти Амарху. Это *нечто* нельзя увидеть или выразить, оно существует лишь в парадигме отношений человека и природы, отношений, которые, по мысли Явухулана, во многом утрачены городскими жителями. Речь идет о разрыве между жизнью, на глубинном уровне связанной с миром природы, и жизнью, оторванной от мира природы до некоторой степени (именно до некоторой, поскольку Явухулан, подобно многим монголам его поколения, сохранил глубокую любовь к земле, на которой родился).

Выше я заметил, что люди занимают в творчестве Явухулана вторичное положение в сравнении с природой и животными, но это ни в коем случае не умаляет мастерства его как поэта, пишущего о любви или, точнее, о любовном переживании. В стихотворении «Звук серебряной уздечки» описывается напряженное ожидание любимой:

*Зорин ирэх амрагаа хулээхэд
Морин төвөргөөн зүрхнээ хоногишиж
Шөнийн чимээгүй гадаа налайн
Унийн углуургаар саран гэрэлтэнэ.*

*Өнчин дэрэн дээр нойр хулжсан
Ухаангүй дурлалын урхинд байхад
Мөнгөн хазаарын бүдэг чимээ
Онгон зүрхийг цочоон баясгана.*

(I'm waiting for my lover to arrive,
the sound of horses' hooves pressed upon my heart.
Outside, the night is soundless, peaceful, and
the moon lights up the rafters.

Sleep has fled and, on my orphaned pillow,
I am snared by lovesickness.
And the dull sound of a silver bridle
brings happiness to my passionate heart.)

Возлюбленной дожидаться не могу,
Подковами коней истоптан я,
Спокойна ночь, беззвучно за окном,
Сквозь балки в дом сиянье льет луна.

Сбежал с подушки сиротливой сон,
Безжалостной любовью я объят,
Серебряной уздечки слабый звук
Пронзает сердце, полное огня.

Всего в двух строфах поэту удается выразить и весь жар любви, и иррациональный страх потери возлюбленной, который уходит при звуке приближающегося коня. При этом Явухулан не утверждает, но и не отрицает, что конь везет его возлюбленную, он лишь намекает на это, тем самым снова обозначая *нечто* сокровенное, во что мы не посвящены. Однако он позволяет нам почувствовать и даже увидеть (в лунном сиянии, которым поэт заливает сцену) любовное переживание, страстное желание любви.

Все дело в неопределенности звука, который он слышит. Звук «слабый» — этот эпитет только подчеркивает силу чувств поэта. Даже в такой тишине звук копыт может оказаться просто обманом слуха, шуткой, которую играет с ним его напряженное сознание (в конце концов он же объят «безжалостной любовью»). Лишь перечитав стихотворение несколько раз, мы осознаем, что через описание слабого, неопределенного звука Явухулан пытается выразить *нечто*, что на самом деле невыразимо.

И вновь перед нами — образ человека, находящегося в плену у внешних сил, в данном случае у коня, который звоном уздечки рождает надежду, что он принесет поэту его возлюбленную. Но Явухулан избегает какого-либо анализа и личной рефлексии, он скорее наблюдатель, рассказчик, его задача — отразить процессы человеческого сознания в их взаимодействии с внешним миром, природой. И прежде чем перейти к стихотворению «Монгольский стих», откуда взят эпиграф, я хотел бы заявить, что «нечто внутри», о котором он говорит, есть именно это непередаваемое чувство, которое связывает человека с миром природы и о котором большинство людей зачастую не подозревают, ибо оно было утрачено в процессе становления человека.

Подобно очень многим монгольским стихам, «Монгольский стих» соткан из шепота. Одним из способов, помогающих Явухулану слегка видоизменить традиционную поэтику, является повторение — не целых строф, а стихов и двустиший и не всегда регулярно, а часто в совершенно неожиданных местах. Но результат далек от какофонии, порой кажется, что, помимо голоса самого поэта, звучат еще чьи-то голоса, повторы его мысли.

В «Монгольском стихе» Явухулан сопоставляет монгольскую поэзию с высшими проявлениями мирового искусства, такими как Тадж-Махал, «Мона Лиза» и эфиопский танец. Причем имеется в виду не монгольская поэзия как таковая, не ее форма, или язык, или просодия, а скорее то, что за всем этим кроется, — то, что обозначается поэтом как «нечто внутри».

Образы монгольской поэзии, которые вспоминаются поэту, искусно вплетаются Явухуланом в ткань стихотворения, придавая ему структурную и фоническую сложность. При этом прямые высказывания Явухулана о монгольских стихах — напоминающих о великом искусстве, о любви к женщине, о вожделении к ней, испытываемом мужчинами, — не так важны в сравнении с его словами о том воздействии, какое оказывают стихи на слушателей и читателей:

*Сайхан бүсгүйг дуулсан
Монгол шүлгийн чадалд
Санаа сэтгэл ариусдагийн
Гогцоо нь гэвэл энд байна*

(In the power of Mongolian verse,
in its singing of the beauty of women,
there is the key
to purify the mind.)

Во власти монгольских стихов,
Женщин красу воспевающих, —
Влагой очистить сердца.
Ключ к очищению — в поэзии.

Но как соотносятся эти строки с реальностью? Для Явухулана, равно как и для многих других монгольских поэтов, поэтический дар есть необычная, почти шаманская способность преображения сознания и действительности, позволяющая высказать то, что в других обстоятельствах невыразимо, дать почувствовать то, что не ощутимо грубыми органами чувств. Как мы уже видели на примере стихотворения «Козий пик», в котором отец поэта разъясняет смысл гибели дикого зверя, словесное выражение, в единстве звучания и значения слов, действительно может служить «ключом к очищению сердец».

Впрочем, Явухулан ясно дает понять, что природа и человеческое искусство — явления разных сфер:

*Хүй сайхан байгаль
Цөмөөрөө уран ч гэлээ
Хүний гоо сайхантай
Зэрэгцэх нь огт үгүй.*

(Though nature in its splendor
is in every aspect art,
it really does not chime
with human beauty.)

Пускай искусству сродни
Чудесные лики природы,
Порядка иного они
В сравненьи с людской красотой.

В этих строках он не пытается отрицать, что человеческое искусство, включая его собственное, имеет ценность и красоту. Но природа — это *другое*,

она рождает красоту женщины, а поскольку Явухулан считает женщину «матерью красоты», то получается, что «красота собрана в нас полнее, чем где бы то ни было».

Такая трактовка женской красоты, разумеется, несколько непривычна для западного сознания, однако если принять во внимание, каково место матери в кочевой культуре монголов, куда более тесно связанной с природными циклами, нежели наша урбанистическая культура, то связь между природной и женской красотой у Явухулана выглядит вполне понятной.

В конце стихотворения Явухулан говорит уже не о таинственном внутреннем шепоте, который рождает в нем монгольский стих, а об общности монгольского стиха с великими проявлениями человеческого гения, такими как «Мона Лиза» Леонардо да Винчи. Указание на конкретный пример помогает Явухулану передать свою мысль. В той же плоскости лежит и его интерес к переводу иностранной поэзии на монгольский язык и приобщению монгольских читателей к образцам мировой литературной классики. Впрочем, возможно также, что те намеки, которые он поместил в середине стихотворения, намеки на нечто более тонкое, невыразимое и неосязаемое, к передаче чего, как он считает, монгольская поэзия ближе, чем какая-либо иная, указывают на ограниченность поэтического искусства и в то же время, если смотреть под более позитивным углом зрения, — на то, что непосредственное переживание этого невыразимого открыто любому, кто ясно поймет место человека в мире природы и кому окажется доступен «ключ к очищению сердца».

Явухулан скончался в 1982 г. в возрасте пятидесяти трех лет. Его влияние до сих пор ощутимо в творчестве многих современных монгольских поэтов, заметнее всего — в произведениях его ученика Менд-Ойю, которого роднит с Явухуланом гуманизм и любовь к миру природы.

Глядя на портрет, созданный Амарху, и размышляя над поэзией Явухулана, мы оказываемся в тонко сотканном пространстве, где монгольская традиционная поэтика предстает слегка измененной, но не вследствие того воздействия, которое оказал двадцатый век на романтический мир старой монгольской традиции, а вследствие продолжающегося обособления людей от мира природы и нарастающего противостояния с ним.

Никто не знает, о чем именно думает Явухулан на портрете кисти Амарху, глядя куда-то за пределы картины, мягко опираясь на свои книги. Но из стихов Явухулана перед нами возникает образ человека, который осознал, что может лишь попытаться указать на нечто, виденное им, намекнуть на широту скрытого от глаз мира, в котором отдельный человек — он сам, его отец, его возлюбленная, кто угодно другой — живет своей особенной, сокровенной жизнью.

Примечания

1. Статья является предисловием к сборнику стихов Б. Явухулана в переводе на английский С. Уикем-Смита (Оксфорд, Сизтл): *Mongolian Verse: the Collected Poems of Begziin Yavuhulan*. Ulaanbaatar: Mongolian Academy of Poetry and Culture, 2009.
2. Переводчик выражает признательность М. А. Зориной за помощь в редакции русского текста.
3. Здесь и далее стихотворные цитаты приводятся в трех вариантах: оригинальный монгольский текст, английский перевод С. Уикем-Смита, русский перевод А. В. Зорина, выполненный по подстрочникам, предоставленным автором статьи.

S. Wickham-Smith**A whisper of something more: the poetry by Begziin Yavuhulan
(Transl. from English by A. Zorin)**

The article of the British scholar is devoted to the work of a prominent Mongolian poet of 20 century, an excellent translator from Russian — B. Yavuhulan who had a great influence on the following generation of young Mongolian poets. The author speaks about the poet's poetical methods, the images he used, his artistic vision of nature.

Key words: The Mongolian modern poetry, lyrics, image, a poet, poem, translation.